

A01, вип-зона бара Призрак, словно отдельная планета: атмосферное давление и общая обстановка здесь резко контрастировали с безумным шумом и суматохой остального зала.

Дорогостоящие звукоизоляционные материалы искусно поглощали оглушительные ритмы электронной музыки, превращая их в невнятный гул и оставляя лишь низкочастотную пульсацию, которая не мешала беседе.

Воздух здесь был пропитан не привычной для таких мест смесью дешевого алкоголя и табака, а изысканным ароматом парфюма с нотами кедра и кожи.

На массивном стеклянном столике вместо гор пустых пивных бутылок стояли открытые бутылки элитного спиртного и хрустальный декантер.

Хо Чжао лениво откинулся на спинку глубокого кожаного дивана. Он выглядел расслабленным, но спину держал прямо — сказывались безупречное воспитание и врожденное стремление всё контролировать.

Его длинные пальцы сжимали бокал, а янтарная жидкость при каждом небрежном движении оставляла на стенках маслянистые следы.

Он слушал Цинь Юя — торговца стройматериалами, который всеми силами пытался расширить свой бизнес и затащил его сюда, — тот с пеной у рта расписывал план слияния компаний, который на словах выглядел многообещающе, а на деле был полон дыр.

— Господин Хо, посмотрите, это же шанс, который выпадает раз в жизни! Если мы объединим усилия и захватим этот рынок, прибыль за ближайшие три года... — Цинь Юй сиял, его голос дрожал от возбуждения, он пытался жестами и впечатляющими цифрами зацепить этого молодого акулу капитала.

Хо Чжао изредка слегка кивал или произносил односложные слова, показывая, что слушает, но в глубине его темных глаз застыла бездонная пучина, не выражающая ровным счетом ничего.

Подобные встречи для него — лишь бесконечно повторяющийся сценарий. Скучный, однообразный, похожий на плохо поставленный спектакль.

Его взгляд равнодушно скользнул мимо плеча собеседника, по толпе на танцполе, где люди в экстазе извивались под музыку, пытаясь с помощью алкоголя и пота выплеснуть эмоции. Он смотрел на этот микромир, наполненный желаниями и гормонами, как холодный и отстраненный наблюдатель.

Шум и дурман словно разбивались о невидимый барьер вокруг него: он находился внутри, но душой оставался далеко, безучастно взирая на происходящее.

И в тот момент, когда его взгляд уже готов был снова погрузиться в пустоту, одна фигура, словно камень, брошенный в тихую воду, вызвала рябь в его поле зрения.

Это был официант в стандартной черной униформе бара. Он шел к их столику с меню в руках.

В отличие от других сотрудников, которые либо заискивали перед клиентами, либо суетились, этот молодой человек двигался уверенно и ритмично, словно окружающий хаос его не касался. Он слегка опустил голову, и в причудливом свете ламп линии его профиля казались необычайно четкими и чистыми.

Взгляд Хо Чжао невольно сфокусировался на нем.

Фан Синхэ подошел к краю дивана, остановился на нужном расстоянии, слегка поклонился и протянул кожаную папку с меню.

Его голос, негромкий, но отчетливо прорезавший низкочастотный гул фона, звучал абсолютно спокойно:

— Добрый вечер, господа. Вот меню, пожалуйста.

В этот миг время для Хо Чжао словно замедлило свой бег.

Он разглядел юношу — именно юношей Хо Чжао подсознательно его назвал, несмотря на то, что форма делала его старше.

Кожа была бледной, почти прозрачной, словно лишенной солнечного света. Прямой нос, тонкие очерченные губы, плотно сжатая челюсть — во всем этом чувствовалась стойкость и сдержанность, совершенно чуждые этому развратному месту. У него были длинные ресницы, отбрасывавшие тень на веки, и когда он опускал глаза, то казался одновременно хрупким и неприступным.

Больше всего Хо Чжао привлекла не столько его выдающаяся внешность, сколько особая аура — чистая и прохладная, как горный ручей.

По сравнению с нарочитой роскошью, распушенностью и лестью вокруг, он выглядел просто, как нетронутый лист рисовой бумаги, как холодный лунный свет, случайно заглянувший в шумный мир. Этот резкий контраст делал его особенно заметным в болоте чужих желаний, даже... ослепительным.

В глубине души Хо Чжао, долгое время пребывавшей в покое, всколыхнулось давно забытое, сильное чувство.

Это было не просто любопытство или симпатия, а нечто более первобытное и властное — острое желание обладать. словно коллекционер, нашедший редчайший экспонат, или путник в пустыне, увидевший оазис — даже понимая, что это может быть миражом, он не мог подавить импульс приблизиться и присвоить его себе.

Ему захотелось сорвать эту маску холодного отчуждения, чтобы узнать, какая душа скрывается под ней, увидеть, как изменятся эти спокойные глаза, если в них вспыхнут другие эмоции, и... навсегда прибрать эту редкую чистоту к своим рукам.

Взгляд Хо Чжао невольно следил за каждым движением Фан Синхэ.

Он смотрел на его руки: пальцы с аккуратно подстриженными ногтями, четкие суставы, тонкие, но гибкие запястья, в которых чувствовалась скрытая сила.

Он смотрел, как закончив работу, юноша снова вежливо поклонился и развернулся, чтобы уйти. Его прямая спина, худая, но гибкая, напоминала молодое деревце, выросшее на краю обрыва и не желающее склоняться перед ветром.

Фан Синхэ, подав меню, мысленно выдохнул, мечтая поскорее покинуть этот столик, где атмосфера давила на него тяжелым грузом.

Однако в тот самый миг, когда он сделал два шага, в его спину словно вонзился тяжелый, почти осязаемый взгляд. Этот взгляд был невероятно пронизательным, изучающим, острым — он будто прошивал насквозь, обнажая всё скрытое. Фан Синхэ почувствовал, как по спине пробежал холодок, а мышцы невольно напряглись.

Инстинктивно, с легким испугом, он обернулся, чтобы встретиться с этим удушающим ощущением, и в следующую секунду столкнулся с бездонными черными глазами.

Это был тот самый мужчина с главного места!

Его взгляд, острый, как у сокола, был пугающе сосредоточенным, словно он рассматривал подопытный образец в лаборатории.

В этом взгляде не было ни пошлости, ни легкомыслия, но присутствовала иная, еще более пугающая властность и жажда исследования.

Фан Синхэ никогда прежде не сталкивался с таким давлением. Холодная сила, исходившая от незнакомца, сбила его с толку, сердце сжалось, словно от невидимой руки, и бешено заколотилось, а кончики ушей предательски запылали.

Он почувствовал себя добычей под прицелом прожектора, где любая слабость становится очевидной.

В панике Фан Синхэ поспешно отвел взгляд, низко опустил голову и зашагал прочь, почти сбежав в более людную и шумную часть бара. Только прислонившись спиной к холодной барной стойке, он позволил себе перевести дыхание. Подняв руку, он обнаружил, что ладони покрылись холодным потом. Этот короткий зрительный контакт, длившийся всего пару секунд, оставил в его душе глубокий след.

Тем временем Хо Чжао, наблюдая за тем, как юноша поспешно скрывается, словно испуганный олененок, едва заметно усмехнулся. В этой улыбке читались интерес, азарт и предвкушение победы. Он отвел взгляд, словно ничего не произошло, и снова принял свой обычный лениво-равнодушный вид.

Цинь Юй продолжал заливаться соловьем:

— ...И поэтому, господин Хо, если мы воспользуемся этим шансом...

Хо Чжао слегка поднял руку, призывая его к молчанию. Затем он повернул голову и негромко отдал распоряжение своему помощнику, который, подобно тени, замер в полумраке за его спиной.

Голос его звучал ровно и бесстрастно, но в нем слышалась непрекращаемая решимость, словно он констатировал свершившийся факт:

— Разузнай всё об этом официанте, который только что приносил меню. Мне нужно его досье, как можно подробнее.

Чэнь Мин, помощник, бросил быстрый взгляд в ту сторону, куда смотрел его босс, и всё понял.

Он работал с Хо Чжао много лет и прекрасно знал характер своего молодого хозяина. Тот крайне редко проявлял столь явный интерес к людям или вещам, а если уж заговаривал об этом, значит, был намерен получить желаемое любой ценой.

Он почтительно склонил голову и тихо ответил:

— Слушаюсь, господин Хо. Я всё сделаю в кратчайшие сроки.

Хо Чжао больше ничего не сказал и снова уставился в бокал, где янтарная жидкость переливалась в причудливом свете ламп.

Однако пламя интереса, только что вспыхнувшее в глубине его глаз, не собиралось гаснуть.

Музыка в баре гремела, ослепительные огни разрезали пространство, и в каждом углу продолжали разыгрываться чьи-то истории.

Но для Хо Чжао и молодого официанта по имени Фан Синхэ шестеренки судьбы в этот миг, после того самого случайного, но судьбоносного взгляда, издали отчетливый щелчок и начали свое движение.

Один был утренней звездой, пробивающейся сквозь грязь бытия, другой — холодной и могущественной Полярной звездой, привыкшей управлять всем вокруг. Их орбиты в эту ночь неожиданно пересеклись, и их будущее неизбежно изменится, породив искры, которые будут такими же яркими, как и их столкновение.

<http://bllate.org/book/19580/1920018>